

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

М.Д. ПетровМосковский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

Развитие западноевропейского военного дела как фактор трансформации политических институтов Англии в 1485–1547 гг.

Известно, что развитие военного дела во многом определяет технический прогресс в гражданской сфере. В связи с этим становится актуальным вопрос, может ли оно влиять и на другие сферы общества, в частности, на трансформацию политических институтов или генезис политических идеологий. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к периоду XVI–XVII вв., когда в Европе проходил процесс, названный историками «военной» или «огнестрельной революцией». Авторы концепции «военной (огнестрельной) революции», утверждали, что изменения в военном деле, произошедшие в XVI–XVII вв., стали значимым фактором в трансформации политических институтов западноевропейских стран. Однако подробного сопоставления процессов развития западноевропейского военного дела эпохи «Великой огнестрельной революции» и трансформации систем государственного управления ими и их последователями проведено не было. Данная работа посвящена изучению первого периода «военной революции», совпавшего по времени с началом правления династии Тюдоров, и его влияния на усиление института монархии в Англии

© Петров М.Д., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

конца XV – первой половины XVI вв. Применяя институциональный и факторный анализ, а также историко-генетический и историко-сравнительный методы, автор ставит перед собой цель выяснить, можно ли считать процессы, происходившие в западноевропейском военном деле, значимым фактором в изменении английской политической системы этого периода. В ходе исследования проведено сопоставление указанных выше процессов, а также доказано, что изменение военного дела стало значимым фактором, повлиявшим на усиление королевской власти в Англии в первой половине XVI в.

Ключевые слова: «Огнестрельная революция» XVI–XVII вв., ренессансная модель армии, Генрих VII, Генрих VIII, английские политические институты раннего Нового времени, английская монархия XVI в., английский парламент XVI в., военные субсидии английского парламента в XVI в., англо-французские войны первой половины XVI в., Реформация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петров М.Д. Развитие западноевропейского военного дела как фактор трансформации политических институтов Англии в 1485–1547 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

M.D. Petrov

Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

The development of Western European military affairs as a factor in the transformation of political institutions in England 1485–1547

It is known that the development of military affairs largely determines the technical progress in the civilian sphere. In this regard, the question becomes relevant, can it also influence other spheres of society, in particular, the transformation of political institutions or the genesis of political

ideologies? In order to answer this question, it is necessary to turn to the period of the 16th–17th centuries, when a process was taking place in Europe, called the “military” or “firearms revolution” by historians. The authors of the “military revolution” concept argued that the changes in military affairs that occurred in the 16th–17th centuries became a significant factor in the transformation of political institutions in Western European countries. However, no detailed comparison of the processes of development of Western European military affairs of the era of the “Great firearms Revolution” and the transformation of state administration systems by them and their followers was carried out. This work is devoted to the study of the first period of the “military revolution”, which coincided with the beginning of the reign of the Tudor dynasty, and its influence on the strengthening of the institution of the monarchy in England at the end of the 15th – the first half of the 16th centuries. Using institutional and factor analysis, as well as historical-genetic and historical-comparative methods, the author sets a goal of finding out whether the processes that took place in Western European military affairs can be considered a significant factor in changing the English political system of this period. In the course of the study, a comparison of the above processes was carried out, and it was also proved that the change in military affairs became a significant factor that influenced the strengthening of royal power in England in the first half of the 16th century.

Key words: “Firearms revolution” of the 16th–17th centuries, Renaissance model of the army, Henry VII, Henry VIII, English political institutions of the early modern period, English monarchy of the 16th century, English Parliament of the 16th century, military subsidies of the English Parliament in the 16th century, Anglo-French wars of the first half of the 16th century, the Reformation

FOR CITATION: Petrov M.D. The development of Western European military affairs as a factor in the transformation of political institutions in England 1485–1547. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 56–75. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

Британский историк Джеффри Паркер, один из авторов концепции «военной революции», во введении к одной из своих статей упоминает высказывание знаменитого ученого Чарльза Омана о том, что «шестнадцатый век представляет собой самый неинтересный период в европейской военной истории» [19, р. 195]. Многие наверняка согласятся с ним, говоря и об истории политической, в частности английской. Действительно, по сравнению с событиями середины и конца XVII в., значению

трансформационных процессов XVI в. уделяется значительно меньшее внимание. Однако предпосылки описанных выше значительных исторических событий были заложены именно в предыдущий период. С одной стороны, «долгий шестнадцатый век» положил начало активным трансформационным процессам внутри устоявшейся для средневековой Англии военной системы. Начиная с первой половины XVI в. она должна была приспособиться не только к новым реалиям ведения войны, но и к современным методам комплектования армии. С другой стороны, именно с этого периода начинает оформляться конфликт между различными политическими институтами Англии, которому затем будет суждено вылиться в открытое вооруженное противостояние. Предметом его станет в том числе и вопрос о контроле над постоянной армией. А сам его исход в итоге определит, по какому типу государственного строительства пойдет английское королевство – оформления абсолютной монархии континентального (французского) образца или окончательного ограничения полномочий королевской власти [6, с. 160–161].

В отношении развития западноевропейского военного дела в целом «долгий шестнадцатый век» не является периодом, для которого характерен один и тот же доминирующий процесс. В рамках «Великой огнестрельной революции» он занимает большую часть ее хронологического отрезка (с конца XV в. до начала XVII в.) и воплощает в себе два совершенно разных периода развития военного дела. Первый период (конец XV – середина XVI вв.) характеризуется окончательным оформлением в странах Западной Европы «ренессансной» модели армии, ставшей вершиной развития средневекового военного дела. Второй период (середина XVI – начало XVII вв.) характеризуется сменой парадигмы в теории и практике военного искусства: новые тактические и стратегические элементы, появившиеся еще в рамках «ренессансной» армейской модели, начинают вытеснять на полях сражений традиционные, что приводит к полномасштабному кризису всего западноевропейского военного дела. Лишь с середины XVII в. окончательно оформляется новая парадигма ведения войны, основным элементом которой становится регулярная армия модели Нового времени [13, с. 192–193].

Для того, чтобы понять, как повлияли процессы, происходившие в западноевропейском военном искусстве XVI–XVII вв., на оформление в Англии конституционной (парламентской) монархии, для начала необходимо обратиться к первому периоду развития военного дела эпохи «огнестрельной революции», затем следует проследить взаимосвязь политических и политико-экономических событий и явлений, а также процессов, протекавших в рамках развития военного дела эпохи первых Тюдоров (1485–1547).

Здесь необходимо сделать уточнение. Несмотря на ряд региональных и национальных специфических особенностей, военное дело в рамках всего западноевропейского региона было единым. В разные периоды «огнестрельной революции» в его границах доминировали различные национальные «военные школы», распространявшие свои тактические и стратегические концепции на все страны Западной Европы. Поэтому говорить о специфическом и обособленном от континентального влияния «английском военном деле», естественно, не приходится. В первой половине XVI в. Англия, находясь на «периферии» западноевропейских процессов внедрения передовых элементов в современную тактику и стратегию, была вынуждена перенимать опыт и проводить армейские реформы по образцу «военных школ» передовых стран и регионов: Швейцарии – на конец XV – начало XVI вв., а затем пиренейских и германских государств. Именно военачальники и военные теоретики этих стран стали основателями «ренессансной» армейской модели, распространившейся на протяжении первой половины XVI в. на весь западноевропейский регион и заложившей основу будущих кардинальных изменений в военном деле [12, с. 48–49].

У «ренессансной» армейской модели были следующие особенности.

1. Преобладание на поле битвы наемных пехотинцев-пикинеров, использующих специальные боевые построения и тактику, позволяющие им эффективно противостоять рыцарской коннице.

2. Уменьшение значения в полевых сражениях тяжелой конницы, выразившееся как в сокращении ее процентного соотношения в армиях, так и в придании ей вспомогательной роли на поле боя.

3. Активное использование в сражениях не только осадной, но и полевой артиллерии, что привело к возникновению и распространению новой школы фортификации – *trace italienne*. Основными ее элементами стали не высокие и относительно узкие каменные или кирпичные стены, а низкие, но широкие и практически не подвергаемые разрушению от орудийного огня земляные укрепления [Там же, с. 63].

4. Распространение в армиях вспомогательных отрядов современного типа – пехотинцев, вооруженных ручным огнестрельным оружием, и рейтарской кавалерии.

5. Появление во флоте крупных боевых кораблей – карак и галеонов, ставших на море «плавучими артиллерийскими фортами».

6. Постоянный рост численности армии (но не полевых войск в отдельных сражениях) и флота в целом, что влекло за собой рост государственных военных расходов.

Заимствование с континента этих основных элементов «ренессансной» армейской модели в конце XV – первой половине XVI вв. позволило

Англии не только активно участвовать в основных западноевропейских международных конфликтах, но и привело к значительному укреплению позиций королевской власти на внутривнутриполитической арене.

Начало последнему процессу положила еще война Алой и Белой роз (1455–1485), в результате которых в системе государственного управления произошли значительные изменения. Во-первых, в этот период существенно уменьшилась роль парламента. Его сессии стали теперь главным образом собраниями группировки победителей на очередном этапе этого длительного внутривнутриполитического конфликта. Парламентские же акты, изданные в период войн и после их окончания, законодательно закрепляли насилия, которым подвергались побежденные [3, с. 382]. Во-вторых, на послевоенной внутривнутриполитической арене произошло ослабление позиций наиболее влиятельных аристократических родов, многие представители которых погибли на полях многочисленных сражений междоусобных войн. После восшествия на английский трон Генриха VII (1485–1509), первого короля из династии Тюдоров, в его домен вошли земельные владения наиболее могущественных семей времен войн Роз: Ланкастеров, Йорков и Невиллей, а также в руках короля оказались представители двух крупнейших аристократических семей – граф Нортумберленд и граф Сэррей, что склонило баланс отношений «грандов» и монархии в пользу последней [2, с. 25].

Такое усиление института королевской власти, происходящее на фоне ослабления позиций Парламента и представителей высшей аристократии, стало возможным в том числе и за счет того, что период правления Генриха VII не был ознаменован многочисленными войнами за пределами Англии. Именно для ведения внешних конфликтов монархии требовались многочисленные парламентские субсидии или крупные займы у купечества или дворянства, а продолжительные периоды внешнего мира способствовали пополнению королевской казны. Это позволило финансово независимому королю, к тому же известному своей бережливостью, усилить положение института королевской власти в системе английского государственного управления. С другой стороны, монарх теперь мог более жестоко наказывать аристократов за совершенные ими «незаконные» действия по отношению к победившей в Войне Роз партии.

В качестве наказаний, направленных против неугодных дворян, король зачастую назначал крупные штрафы, что также укрепляло финансовую независимость короны. Однако, помимо этого, королевская власть начала укрепляться и благодаря созданию принципиально нового и подотчетного монархии политического института. Парламентским актом 1487 г. на базе Тайного совета был создан суд Звездной палаты,

состоящий из назначенных монархом судей. Его задачей стало вынесение приговоров бунтовщикам, в основном пэрам, епископам и их сторонникам, проявившим себя в оппозиции Генриху VII во время междоусобных войн. Звездная палата была призвана действовать как суд справедливости, который мог ввести наказание за действия, считавшиеся морально предосудительными, но не связанными с нарушением буквы закона. Это могло привести как к субъективным решениям со стороны королевских чиновников не в пользу подсудимых, так и к возможности монархии специально обходить устоявшиеся нормы общего права. Вплоть до XVII в. данный суд пользовался популярностью у низших сословий как за простоту и быстроту судебных процедур, так и из-за того, что он выносил строгие приговоры представителям высшей аристократии [2, с. 26]. Впоследствии, по мере укрепления в стране института королевской власти, а также переориентации монархии на союз с дворянством против парламентской оппозиции, состоявшей в основном из джентри и мелких землевладельцев, суд Звездной палаты значительно расширил свою юрисдикцию. В итоге к началу XVII в. он превратился в орудие расправы монархов со своими мнимыми и действительными противниками из парламентской и иной оппозиции, по многим делам выступая в качестве единственной инстанции.

Финансовая самостоятельность короны привела к укреплению института монархии не только в институциональном, но и в военном аспекте. С Генрихом VII связано появление в Англии королевской дворцовой (йоменской) стражи, которая, однако, на момент ее основания в 1485 г. насчитывала лишь 50 лучников под командованием капитана, что не позволяет говорить о ней как о серьезной военной силе [3, с. 10–11]. Говорить в связи с этим о возникновении тенденции формирования постоянной армии под непосредственным королевским управлением также не приходится, даже несмотря на то, что в последующем численность йоменской стражи увеличивается. В ноябре 1501 г. во время свадьбы принца Артура и принцессы Екатерины Арагонской численность гвардии на мероприятии составила уже 300 человек, а в 1520 г. общая численность гвардии достигла 1 тыс. [20, р. 36, 94]. Тем не менее, даже при численности стражи в 150–200 человек на момент последних лет правления Генриха VII ее содержание обходилось королевской казне в 20 тыс. фунтов стерлингов ежегодно [15, с. 108]. В последующий же период формирования новых постоянных гвардейских полков не происходит, а основной сухопутной военной силой английского королевства остается милиция графств, созываемая в моменты военной опасности.

Главными задачами йоменской стражи были сопровождение монарха во время походов (500 гвардейцев во главе с капитаном составляли охрану короля во время боевых действий во Франции в 1544 г.) [20, р. 93], монарших поездок по стране и охрана королевских резиденций, а не участие в боевых действиях. Френсис Бэкон в «Истории Генриха VII» отмечает, что король мог видеть в этом условии монаршего достоинства, т.к. подобными отрядами уже обладали многие европейские правители [3, с. 10–11]. К тому же стража была вооружена традиционными для Англии длинными луками даже в период, когда огнестрельное оружие начало активно распространяться на западноевропейских полях сражений, что также говорит скорее о символическом характере нововведения. Тем не менее сильный и многочисленный отряд, вооруженный хоть и не самым современным оружием, стал не только символом усиления в Англии института монархии, но и в действительности оказывал значительную поддержку английским королям в борьбе с их внутривнутриполитическими противниками.

Наиболее же существенным нововведением времен правления Генриха VII, касающимся и военного дела, и политических институтов английского королевства, стала ликвидация так называемых «ливрейных свит» у ослабевших после Войны Роз представителей аристократии. Эта единственная, по мнению М.Е. Козлова, военная реформа Генриха VII, заключалась в том, что феодалы лишились права содержать отряды вооруженных людей, служивших, в отличие от ополчений графств, исключительно им, а неанглийскому королю. Эти многочисленные и хорошо вооруженные свиты были готовыми войсками для феодальных войн и вплоть до начала правления Генриха VII представляли значительную угрозу институту королевской власти. Запрет найма и содержания «свит» также привел к улучшению финансового состояния английской монархии. В условиях укрепления королевской власти представители крупной аристократии зачастую не хотели прощаться с практикой создания частных армий, за что подвергались крупным штрафам в пользу короны. Например, в 1507 г. Суд королевской скамьи оштрафовал на 69 900 фунтов стерлингов Джорджа Невилла, барона Абергавенни, за то, что он нанял на 30-месячную военную службу 471 человек [15, с. 105]. Помимо этого, ослабевшая и поредевшая в ходе междоусобных войн аристократия лишилась права иметь в своих арсеналах артиллерию, что значительно усилило позиции королевской власти. С этого времени монархия получила исключительную монополию на использование самого эффективного на то время средства против стен и башен средневековых замков английской аристократии [11, с. 32].

Однако не только эти нововведения Генриха VII могли повлиять на усиление английской монархии конца XV – начала XVI вв. Бэкон указывает, что политика короля и лояльного ему парламента по сохранению хозяйств размером в 20 и более акров способствовала укреплению в стране слоя зажиточных мелких землевладельцев (фригольдеров). Именно представители данной социальной группы в военное время составляли пешую часть английской армии (милиции) и при использовании современной «ренессансной» тактики могли составить эффективный противовес приходящей в упадок рыцарской коннице. Армии Франции и итальянских государств, пренебрегающие такой политикой по отношению к среднему слою общества, вынуждены были за большие деньги нанимать швейцарских наемников, что, по его мнению, негативным образом отражается на военной и экономической политике этих стран [3, с. 50–51]. В контексте возрастания роли пехоты на полях сражений можно согласиться с Бэконом, однако отряды ополчения графств в конце XV – первой половине XVI вв. все еще представляли собой средневековые боевые единицы, малоспособные на ведение полноценной «ренессансной» войны. Даже в самом конце XVI в. вооруженные традиционными для Англии луками и биллями [16, р. 27–28] и комплектовавшиеся по средневековому принципу отряды английских ополченцев были далеки от знакомой Бэкону профессиональной пехоты конца XVI – начала XVII вв. К тому же милиция, задачей которой была защита родного графства от иноземного вторжения, крайне неэффективно и неохотно, в отличие от профессиональной армии, сражалась за пределами родного графства. Исходя из этого можно сделать вывод, что при Генрихе VII если и предпринимались попытки поддерживать наличие в стране боеспособной пехоты, то они были поверхностными и не переходили на качественно иной, соответствующий «ренессансной» военной системе уровень.

Первые попытки реформирования средневековой по своей сути английской армии были предприняты в годы правления Генриха VIII (1509–1547) его канцлером кардиналом Томасом Уолси во время подготовки английского королевства к ведению войны с Францией, проходившей в 1512–1514 гг., а также в ходе самой кампании. Финансы на эти реформы и кампанию нашлись как в королевской казне, располагающей к началу правления второго Тюдора суммой в 1 млн 800 тыс. фунтов стерлингов, так и благодаря выделению парламентом дополнительной субсидии в размере 600 тыс. фунтов стерлингов. Члены последнего выступали за активизацию внешней политики английского Королевства после длительных внутренних войн, а также из-за желания англичан вновь отторгнуть от Франции территории, принадлежавшие Англии

до последнего этапа Столетней войны [11, с. 38–39]. Сложившаяся ситуация показывает, с одной стороны, финансовую самостоятельность укрепившегося в период правления первого Тюдора института королевской власти, а с другой – сотрудничество с ним парламента во имя общих целей укрепления позиций королевства в Европе. Консенсус короля и парламента, характерный для первых лет правления Генриха VIII, в итоге продлится недолго. Впоследствии нехватка финансов вынудит монарха пойти на конфликт с папством и католической церковью. Однако на первых порах именно согласие двух политических институтов по финансовому вопросу позволило кардиналу Уолси провести в жизнь первые армейские преобразования в соответствии с требованиями «ренессансной» военной модели.

Суть нововведений заключалась в следующем: во-первых, в графства для отбора солдат для предстоящей кампании на континенте впервые были присланы специальные чиновники, лорды-лейтенанты, представляющие интересы королевской власти. Сделано это было, прежде всего, для того, чтобы свести к минимуму лояльность набранных отрядов представителям местной аристократии. Во-вторых, для повышения дисциплины солдат вводились специальные армейские уставы, где четко обозначались наказания за различные преступления, например, грабеж, разбой и несанкционированное вторжение в жилища горожан и крестьян. В-третьих, в королевстве появилась специальная должность руководителя артиллерии и арсенала боеприпасов. Назначенный на эту должность также отвечал за осуществление снабжения армии вооружением, формирование штата артиллеристов и артиллерийской прислуги, а также командование ими на поле боя.

Артиллерии, как и прочему вооружению английских экспедиционных сил, а также доспехам, Генрих VIII уделял особое внимание: в 1511 г. в Гринвиче основываются мастерские по изготовлению доспехов и заключаются контракты на производство орудий различного калибра. Также кардиналом Уолси была организована и система централизованного снабжения войск провиантом [Там же, с. 39–42].

Генрих VIII и его канцлер заботились и о модернизации в Англии такого необходимого, хоть и вспомогательного, элемента «ренессансной» военной модели, как кавалерия. В период правления второго Тюдора в королевстве были издан закон, согласно которому любой подданный, чьи годовые доходы превышали 100 фунтов стерлингов, был обязан иметь и содержать коня, пригодного для участия в военных кампаниях. В связи с изданием этого закона многие подданные стали намеренно занижать уровень своих доходов, в результате чего указ дополнился тем, что подданный, жена которого носила верхнюю

юбку из вельвета или нижнюю юбку из шелка, должен был содержать боевого коня вне зависимости от своего дохода [14, с. 9]. Данное нововведение, хотя и могло привести к увеличению численности конницы, не продолжилось дальнейшими реформами, способными превратить английскую конницу рыцарского типа в современную «ренессансную» кавалерию. О планомерном вооружении конницы пистолетами или аркебузами и создании в королевстве рейтарских подразделений речи не шло.

В отличие от континентальных правителей, король Англии и его министр первоначально также мало уделяли внимание и широкому внедрению ручного огнестрельного оружия в пехотные подразделения. Для военной кампании 1512–1514 гг. было закуплено около 4 тыс. пистолетов и аркебуз, в то время как луков было закуплено приблизительно 5 тыс., а пик и алебард – 9 тыс. Всего в экспедиционной армии, состоящей из около 30 тыс. солдат, оказался лишь незначительный процент стрелков из ручного огнестрельного оружия. Это позволяет сделать вывод о том, что его использование в значительных количествах носило экспериментальный характер. Такая ситуация, впрочем, характерна и для военных кампаний наиболее передовых в техническом отношении стран, произошедших до битвы при Павии в 1525 г. Отряды пехоты, вооруженные ручным огнестрельным оружием, до этого момента играли лишь вспомогательную роль.

Тем не менее, такое пренебрежение вооружением собственных островных войск (прежде всего – милиции) огнестрельным оружием прослеживается и во французской кампании Генриха VIII, состоявшейся в 1544 г. Несмотря на то, что в 1543 г. в английскую армию поступили 4 тыс. аркебуз, основная масса входивших в экспедиционные войска стрелков была вооружена традиционными для Англии длинными луками. В связи с этим короля сильно волновал вопрос своевременного прибытия в его армию отрядов наемных ландскнехтов-аркебузирова [11, с. 44, 90–91].

Описанная выше финансовая ситуация, характерная для начального правления Генриха VIII и выражающаяся в единстве короля и Парламента по вопросу спонсирования военных экспедиций на континент, в середине 1520-х гг. начала складываться не в пользу монархии. Причиной этому стали не только значительные траты самого Генриха на многочисленные предметы роскоши и развлечения, но и большие расходы на содержание армий во времена боевых действий. В начале статьи уже было оговорено, что при переходе от «классической» средневековой армейской модели к «ренессансной» возрастает как численность самих войск, так и бюджетные расходы на их содержание. Например, общая

стоимость боевых действий во Франции в 1512–1513 гг. оценивается в 813 тыс. фунтов стерлингов [8, с. 83]. Показателем дороговизны двухлетнего периода содержания экспедиционных сил стала постепенная перемена настроения депутатов Парламента. Уже в 1514 г. Палата общин не стала выделять сумму, затребованную королем для продолжения боевых действий с французами в полном объеме, а выделила только треть от нее – 160 тыс. фунтов стерлингов [Там же]. Это означало, что во время подготовки к будущим военным кампаниям король мог столкнуться с парламентской оппозицией. В этом случае он мог либо пойти на конфликт с представительным органом, введя военный налог без согласия коммонеров, либо искать для финансирования своих будущих кампаний дополнительный, не зависящий от воли Парламента, источник дохода.

Пойти на масштабную конфронтацию с хоть и утратившим былую силу после Войны Роз парламентом Генрих VIII не мог. Конфликтная ситуация могла повлечь за собой очередное внутриполитическое противостояние, поэтому в качестве противника был выбран другой политический институт, причем заграничного происхождения и юрисдикции – католическая церковь, а точнее – ее английские владения. Проведенная Генрихом VIII королевская Реформация позволила институту монархии конфисковать в свою пользу монастырские и церковные земли, продажа трех четвертей которых в период с 1535 по 1547 г. позволила пополнить государственную казну на сумму в 789 400 фунтов стерлингов. Этот экстраординарный доход помог покрыть образовавшийся в стране бюджетный дефицит, возникший вследствие огромных трат на более технологически оснащенное, по сравнению с предыдущими конфликтами 1512–1514 и 1522–1526 гг., ведение новой англо-французской войны.

Всего же за период с 1543 по 1546 гг. расходы английской казны на ведение боевых действий в общей сумме составили уже 2 млн 134 тыс. фунтов стерлингов, что было приблизительно в 2,6 раза дороже первой кампании Генриха VIII [10, с. 115]. Из этих средств самая незначительная сумма в 350 263 фунтов стерлингов потребовалась на ведение войны с союзником Франции – отсталой в области ведения современных боевых действий Шотландией. Остальные же средства пошли на войну с передовой армией французского короля Франциска I. Одна осада Булони, ставшая центральным событием английского вторжения на континент, обошлась казне в 586 718 фунтов стерлингов, а большинство средств пошло на выплату жалования солдатам. Помимо расходов на ведение осады, в дальнейшем из казны было выделено еще 426 306 фунтов стерлингов для восстановления укреплений и дальнейшего ее удержания от французского наступления,

что делает сумму, затраченную англичанами на боевые действия за этот город, равной 1 013 024 фунтов стерлингов [15, с. 155]. Увеличивается и размер парламентских субсидий на военные нужды. Если в 1516 г. размер одной субсидии составлял 44 тыс., то к 1545 г. он вырос до 196 тыс. фунтов стерлингов [Там же, с. 138]. Из этого можно сделать вывод, что за три десятилетия ведение военных конфликтов значительно подорожало как за счет дороговизны современных средств и методов ведения войны, так и за счет увеличения числа армий. В будущем это обстоятельство могло подтолкнуть постоянно нуждающуюся в средствах монархию к конфликту с другими политическими институтами, прежде всего с обладающим право вводить новые налоги Парламентом.

Помимо разового приобретения и дальнейшей продажи церковной собственности, король, полностью подчинив себе церковь и став ее верховным главой, согласно Акту о супрематии 1534 г. получил право владеть всеми церковными доходами [1, с. 19]. Это привело к тому, что Генрих VIII, кроме 525 100 фунтов стерлингов дохода от нераспроданных монастырских земель и 79 500 фунтов стерлингов из конфискованной монастырской казны, стал обладателем 712 200 фунтов стерлингов годового дохода от церковных налогов [10, с. 116], что обеспечило институту монархии значительную финансовую «подушку» и относительную независимость от парламентских субсидий. К тому же доходы от церковных налогов, например, десятины, или денег от выплаты аннатов стали поступать в казну Генриха VIII [7, с. 20], что делало количество источников дохода короля-протестанта намного большим, чем у католических правителей.

Королевская реформация, проведенная Генрихом VIII в т.ч. и из-за нехватки в английской казне средств на ведение войны современными, «ренессансными», методами, способствовала к тому же формированию слоя лояльных от короля дворян-землевладельцев, которые получили свои владения за счет секуляризации монархией монастырских земель. Таким образом, процесс продажи короной церковного имущества поспособствовал значительному укреплению позиций института королевской власти не только в финансовой сфере.

Тем не менее, несмотря на появление в результате секуляризации дополнительного источника финансирования для военных преобразований в соответствии с «ренессансной» армейской моделью, английские вооруженные силы под конец правления Генриха VIII все еще были отсталыми как в организационном, так и в техническом аспектах. Отставание королевства в военном аспекте особенно заметно на фоне армий континентальных европейских государств, прежде всего

владений Габсбургов и короля Франции, располагающих первоклассными армиями «ренессансной» модели.

Реформы в военной сфере, предпринятые кардиналом Уолси и самим королем, хотя и были призваны приблизить английскую армию к классической «ренессансной» армейской модели, носили лишь ограниченный характер. Суть этих нововведений заключалась в том, что реформированию подвергалась не военная система в своей полноте, а конкретные армии, набранные для конкретных кампаний, прежде всего на континенте. Преобразования в военной сфере были кратковременными, волнообразными и прекращались после того, как армия распускалась после заключения мира и прекращения боевых действий. Результатом вышеописанных процессов стало отсутствие за период правления Генриха VIII крупномасштабных стратегических успехов. Военные кампании английской армии, особенно экспедиционных сил, вторгавшихся во Францию, целью которых зачастую провозглашался штурм и взятие Парижа, приносили лишь тактические успехи, наибольшим из которых стало дорогостоящее взятие Булони в 1544 г. Исключением из общего правила стала разве что шотландская кампания 1513 г. [11, с. 99], однако северный сосед Англии явно не претендовал на роль передовой военной державы Западной Европы. Описанное состояние английской армии на момент первой половины XVI в. определило и статус королевства во внешнеполитических конфликтах этого периода. Английская правящая верхушка, желавшая восстановить после периода Войны Роз авторитет королевства среди стран Западной Европы, вынуждена была постоянно варьировать между Габсбургами и Валуа, а само королевство играло в их конфликтах вспомогательную роль.

Современный исследователь М.Е. Козлов считает, что этого можно было бы избежать. В том случае, если бы средства, бывшие в руках у Генриха VIII, последовательно направлялись на модернизацию военной системы в целом, к середине XVI в. Англия стала бы обладать если не первоклассной, то гораздо более сильной армией, способной решать важнейшие внешнеполитические задачи и достигать в военных кампаниях не только тактических, но и стратегических результатов [Там же]. Делая предположения подобного характера, важно учесть и тот факт, что из-за длительного периода внутренних междоусобных войн второй половины XV в. Англия на время выпала из процессов дальнейшей трансформации средневековой военной модели. Именно поэтому в начале XVI в. она была вынуждена совершать те же ошибки, что и передовые континентальные страны полувеком раньше. К этому стоит добавить, что стремление английской правящей верхушки к внедрению нововведений в военном деле, в связи с островной спецификой

королевства, затронуло флот. Именно в его модернизации Англия добилась значительно больших успехов.

Создание королевского военно-морского флота началось еще в конце XV в., с первых лет правления Генриха VII. В этот период даже в условиях нехватки средств в королевской казне после опустошительной Войны Роз на английских верфях были заложены два крупных корабля – «Регент» (водоизмещением 600 т) и «Соверен» (450 т). Эти суда, будучи по своей конструкции позднесредневековыми каракками, имели на носу и корме специальные высокие надстройки (кастели), в которых могли располагаться артиллерия и стрелковая пехота. С.Н. Гаврилов в своем исследовании указывает, что *Regent* на своем борту располагал не менее чем 225 орудиями [5, с. 41, 43], однако ввиду реалий кораблестроения этого периода, скорее всего, это были, помимо нескольких десятков крупнокалиберных орудий, образцы ручного огнестрельного оружия для экипажа, что также представляло внушительную силу. Из этого можно сделать вывод, что оснащению ручным огнестрельным оружием матросов уделялось значительно большее внимание, нежели созданию аналогичных стрелковых подразделений в армии. Это также может говорить о том, что флоту в английской военной доктрине времен Генриха VII предназначалась куда более значимая роль, чем армии, ведь именно со времени потерь земель на континенте и угасания междоусобных войн англичане начали осознавать себя в качестве нации мореходов.

Во время правления следующего короля строительство кораблей, а также создание инфраструктуры для обслуживания флота продолжилось. Уже в 1514 г. количество кораблей королевского флота достигло 30 [20, с. 50]. Среди них был и самый мощный корабль Западной Европы того периода – «Генрих милостью Божьей». Эта каракка, в отличие от многих других, имела, помимо высоких кастлей, и два дека (орудийных палубы), а на ее борту располагалась 21 медная и 103 чугунные пушки (последние, по всей видимости, были орудиями очень малого калибра) [4, с. 190]. Аналогичным, но меньшим по водоизмещению кораблем стала каракка «Мэри Роуз».

Военно-морское строительство, как и реформы в армейской сфере, проводимые Генрихом VIII, «отцом королевского военно-морского флота», совпадали с предвоенными и военными периодами. Всего же за правление второго Тюдора на английских верфях было построено 64 новых корабля различного водоизмещения, 16 кораблей вошло в состав флота в качестве военных трофеев, 23 корабля были куплены за границей [5, с. 197–199]. Помимо этого, в Англии также сохранилась практика найма короной частных купеческих кораблей для

военных нужд, что значительно увеличивало английский королевский флот во время боевых действий.

Помимо количественного увеличения королевского флота, что, естественно, влекло за собой увеличение казенных расходов, произошел значительный рост инфраструктуры (складов и сухих доков), а также числа чиновников, отвечающих за его состояние, вооружение и снабжение. Также Генрихом VIII с 1539 г. по 1547 г. был реализован масштабный проект по возведению на английском южном побережье системы береговой обороны, состоящей из цепи артиллерийских замков, стоимость которой оценивается в 376 тыс. фунтов стерлингов [18, р. 7]. Эти фортификационные сооружения, хоть и не были классическими образцами бастионных инженерных сооружений в соответствии с концепцией итальянской школы (*trace italienne*), тем не менее имели ряд черт, позволяющих говорить о том, что английские замки в целом отвечали требованиям начала раннего Нового времени. В частности, об этом говорят примезистые стены и наличие в них открытых артиллерийских позиций [21, р. 24–30]. Возведение этих замков не только имело внешнеполитическое значение, но и позволило монархии укрепить свое внутривнутриполитическое положение. В отличие от морально устаревших средневековых замков английской аристократии институт королевской власти обзавелся современной цепью укреплений, которая не только символизировала его возросшую силу, но и могла стать серьезным препятствием на пути продвижения войск потенциальных мятежников.

Как и военные кампании на суше, и строительство современной полосы береговой обороны, экспедиции королевского флота также дорого обходились английскому бюджету. Например, только с мая 1545 г. по май 1546 г. обслуживание военных экспедиций флота составило 22 214 фунтов стерлингов [5, с. 76].

Итак, во времена правления первых Тюдоров в Англии оформился постоянный королевский флот, однако постоянной армии, самого необходимого инструмента континентальных монархов для установления абсолютной королевской власти, не возникло. Несмотря на это, траты английских королей на перевооружение иррегулярной армии милиционного типа с целью ее приближения к стандартам «ренессансной» военной модели, а также на ведение продолжительных кампаний с Францией и Шотландией, постоянно росли. Конечно, для полноты картины необходимо отметить, что параллельно росли и ординарные доходы английской монархии. В период с 1485 по 1540 гг. ее среднегодовой доход увеличился с 32 тыс. до 200 тыс. фунтов стерлингов [15, с. 143]. Но, если провести сравнение с военными расходами, приведенными выше, можно заключить, что рост ординарных доходов едва ли мог стать для

короны фундаментом финансовой самостоятельности. К тому же значительная часть этих доходов уходила на жалование королевских слуг, не все из которых имели отношение к военному делу [15, с. 143]. Эта ситуация, в целом характерная и для всего временного отрезка с начала XVI в. по середину XVII в., в итоге привела к открытому столкновению института королевской власти с другими институтами английской политической системы.

На первую половину XVI в. таким институтом стала церковь. Ее многочисленные финансовые накопления, реквизированные короной в результате секуляризации, были не только направлены на обслуживание дорогостоящих армии и флота, приближающихся к современной «ренессансной» модели, но и сама Реформация была проведена в том числе из-за того, что король остро нуждался в деньгах для проведения военных кампаний в соответствии со стандартами Нового времени. Реформация усиливает позиции института королевской власти как перед парламентом, от субсидий которого она становится менее зависима, так и перед аристократией, ставшей более лояльной в результате приобретения земельных владений, ранее принадлежавших церкви. В итоге Генрих VIII не смог воспользоваться как хорошим положением королевской казны, доставшимся ему как в наследство от своего бережливого отца, так и экстраординарными доходами от секуляризации монастырских земель и начать формирование в Англии самой сильной опоры института монархии – постоянной армии.

Будучи порой поверхностными и несистемными, армейские нововведения Генриха VIII все же помогли королевской власти в ее борьбе с внутривластными противниками и поспособствовали утверждению первенства института монархии в системе английского государственного управления. Спустя несколько лет после смерти второго Тюдора в графствах Корнуолл и Девон вспыхнуло антиангликанское «Восстание Книги Молитв», впоследствии жестоко подавленное королевскими войсками. Преимущество королевских войск в ходе боевых действий выразалось в том числе и в том, что в армии Эдуарда VI (1547–1553) активно использовалось ручное огнестрельное оружие. В частности, против восставших ополченцев, в основном использующих длинные луки и билли, командующий королевской армией Джон Рассел, граф Бэдфорд, применял отряды наемных стрелков. В их число входили итальянские конные аркебузиры, а также германские ландскнехты, использующие современное вооружение и тактику. Их использование на полях сражений во многом поспособствовало быстрому подавлению восстания [17, р. 130–131].

Отсутствие в Англии постоянной армии не помешало Генриху VIII создать в королевстве регулярный военно-морской флот. В отличие от средневековых военно-морских сил, он играл самостоятельную роль на войне, а не выступал в качестве вспомогательных сил армии [5, с. 80, 82]. Однако именно наличие постоянной армии на суше, а не постоянного флота на море, обеспечило оформление на континенте абсолютной монархии французского типа.

Необходимо все же сделать оговорку, что основным желанием Генриха VIII было закрепление за Англией статуса значимой европейской державы, поэтому монархия использовала финансы не на укрепление собственной власти в рамках своих границ, а для ведения войн на континенте. В итоге независимый от Парламента источник финансов, каким стали доходы от бывших монастырских владений и их продажи, практически полностью иссяк уже к началу правления Марии I в 1553 г. Это обстоятельство вновь поставило монархию перед очередной дилеммой: либо снова искать альтернативные источники финансирования затратных войн, либо идти на конфликт с Парламентом и попытаться силой отнять у него привилегию одобрения новых налогов. А решить ее предстояло уже наследникам короля Генриха VIII.

Библиографический список / References

1. Акт о Супрематии. 1534 // Английская реформация (документы и материалы) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1990. [Acto Suprematii. 1534. *Anglijskaya reformatsia (dokumenti i materialy)*. Yu.M. Saprikin (ed.). Moscow, 1990. (In Rus.)]
2. Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 24–27. [Belzer A.A. Crown, aristocracy, and local government personnel under the first Tudor. *Samara Journal of Science*. 2013. No. 4 (5). Pp. 24–27. (In Rus.)]
3. Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII / Ст. и общ. ред. М.А. Варга, пер. В.Р. Рокитянского, Н.А. Федорова, А.Э. Яврумяна, коммент. В.Р. Рокитянского. М., 1990. [Bacon F. *Istiriya pravleniya korolya Genriha VII* [The historie of the raigne of King Henry the Seuenth]. M.A. Varg (article and general ed.), V.R. Rokityansky, N.A. Fedorov, A.E. Yavrummyan (transl. into Russian), V.R. Rokityansky (comments). Moscow, 1990.]
4. Военная энциклопедия. Т. VII / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. М., 1912. [Voennaja enciklopedia [Military encyclopedia]. Vol. VII. V.F. Novitsky et al. (eds.). Moscow, 1912.]
5. Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. [Gavrilov S.N. *Anglijskiy flot epochi Tudorov kak gosudaarstvenniy institute* [The English fleet of the Tudor era as a state institution]. PhD dis. Moscow, 2005.]

6. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время. СПб., 2016. [Delbrück H. Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii [Geschichte der Kriegskunst: Im Rahmen der politichen Geschichte: Sechster Teil: Neuzeit: Fortsetzung]. St. Petersburg, 2016.]
7. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М., 2012. [Dmitrieva O.V. Elizaveta Tudor [Elizabeth Tudor]. Moscow, 2012.]
8. Ивонин Ю.Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI в.: Исторические очерки. Днепропетровск, 1994. [Ivonin Yu.E. Imperatori, koroli, ministry. Politicheskie portreti XVI v.: Istoricheskie ocherki [Emperors, kings, ministers. Political portraits of the 16th century: Historical essays]. Dnepropetrovsk, 1994.]
9. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII веках. М., 2017. [Kareev N.I. Isroriya Zapadnoy Evropi v Novee vremya. Razvitie kulturnih i sotsialnih otnosheniy. Reformatsiya i politicheskaya zhizn v XVI i XVII vekah [History of Western Europe in Modern Times. Development of cultural and social relations. Reformation and political life in the 16th and 17th centuries]. Moscow, 2017.]
10. Клочков В.В. Реформация и эволюция институтов английской монархии // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. № 11. С. 114–118. [Klochkov V.V. Reformation and evolution of the institutions of the English monarchy. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*. 2011. No. 11. Pp. 114–118. (In Rus.)]
11. Козлов М.Е. Развитие военной системы Англии в правление династии Тюдоров в XVI веке: Дис... канд. ист. наук. Смоленск, 2013. [Kozlov M.E. Razvitie voennoy sistemi Anglii v pravlenie dinastii Tudorov v XVI veke [The development of the military system of England during the rule of the Tudor dynasty in the 16th century]. PhD dis. Smolensk, 2013.]
12. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. [Penskoy V.V. Velikaya ognestrelnaya revlutsiya [Great firearms revolution]. Moscow, 2010.]
13. Петров М.Д. Развитие западноевропейского военного дела XVI–XVII вв. как фактор трансформации политических институтов раннего Нового времени (на примере Англии и Франции) // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. научных тр. Вып. XI / Под общ. ред. С.Ю. Рафалюк. М., 2020. С. 191–199. [Petrov M.D. Development of Western European military affairs in the XVI– XVII centuries as a factor in the transformation of political institutions in the early modern era (on the example of England and France). *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza*. Issue XI. S.Yu. Rafalyuk (ed.). Moscow, 2020. Pp. 191–199. (In Rus.)]
14. Шпаковский В.О. Современные британские историки об оружии и доспехах эпохи Генриха VIII // Наука. Общество. Государство. 2014. № 2 (6). С. 1–12. [Shpakovsky V.O. Modern British historians on weapons and armor of the era of Henry VIII. *Science. Society. State*. 2014. No. 2 (6). Pp. 1–12. (In Rus.)]
15. Царева Ю.И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.; СПб., 2020. [Tsareva Yu.I. Finansovaya politika Tudorov (1485–1603) [Financial policy of the Tudors (1485–1603)]. Moscow; St. Petersburg, 2020.]

16. Firearms to be substituted for bows. *Acts of the Privy Council of England*. Vol. 25. 1595–1596. J. Roche Dasent (ed.). London, 1901. Pp. 27–28. British History Online. URL: <http://www.british-history.ac.uk/acts-privy-council/vol25/pp26-5> (date of access: 01.12.2020).
17. Fox E.T. The commotion time. *Tudor rebellion in the West, 1549*. Warwick, 2020.
18. Hale J.R. Tudor fortifications. *Renaissance War Studies*. London, 1983. Pp. 63–98.
19. Parker G. The “Military revolution”, 1560–1660 – a myth? *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. No. 2. Pp. 195–214.
20. Rosamund Hewerdine A. *The Yeomen of the King’s Guard 1485–1547*. University of London, 1998.
21. Rutton W.L. Henry VIII’s Castles at Sandown, Walmer, Deal, Sandgate, and Camber. *Archaeologia Cantiana*. 1898. Vol. 23. Pp. 24–30.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021, принята к публикации 14.09.2021
The article was received on 25.08.2021, accepted for publication 14.09.2021

Сведения об авторе / About the autor

Петров Михаил Дмитриевич – аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории, Московский городской педагогический университет; учитель истории и обществознания, общеобразовательная школа № 950, г. Москва

Mikhail D. Petrov – postgraduate student at the General University Department of General and Russian History, Moscow City University; teacher of history and social studies, secondary school No. 950, Moscow

E-mail: petrov1995@mail.ru